

Живая история

Д.Л. Казанцев

Воспоминания
о службе в Финляндии
во время
Первой мировой
войны

1914—1917

Живая история (Кучково поле)

Дмитрий Казанцев

**Воспоминания о службе в
Финляндии во время Первой
мировой войны. 1914–1917**

Издательство «Кучково поле»

1931

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

Казанцев Д. Л.

Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917 / Д. Л. Казанцев — Издательство «Кучково поле», 1931 — (Живая история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0490-5

Воспоминания полковника Д. Л. Казанцева охватывают период 1914–1917 годов, когда он находился на службе в Оперативной канцелярии в Финляндии. Публикация этого источника открывает практически неизвестный фронт Первой мировой войны, где также шло противоборство между воюющими сторонами. Автор уделяет большое внимание развитию революционного активистского (егерского) движения в Финляндии, процессу и методам формирования из финляндцев Королевского прусского егерского батальона № 27 в германской армии, а также борьбе русских властей с активистским движением и вербовкой в германскую армию. Воспоминания охватывают практически весь период Первой мировой войны и заканчиваются описанием революционных событий в Гельсингфорсе, массовых убийств русских офицеров и образования советов рабочих и солдатских депутатов.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0490-5

© Казанцев Д. Л., 1931
© Издательство «Кучково поле», 1931

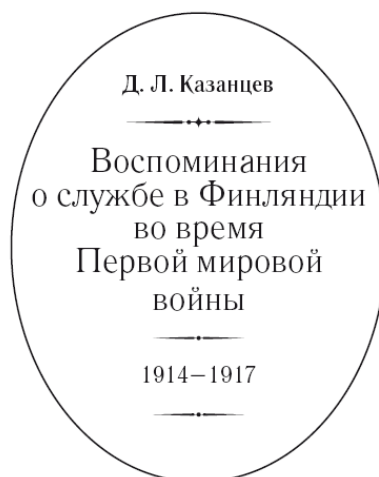
Содержание

Вступительная статья	6
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Леонидович Казанцев

Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914-1917

Российское историческое общество
Федеральное архивное агентство
Государственный архив Российской Федерации

Издано при поддержке Фонда «Связь Эпох»

Публикуется по рукописи:

ГА РФ. Ф. 5881. Коллекция отдельных документов белоэмигрантов. Оп. 2.Д. 377. Л. 1-353.

Вступительная статья

Воспоминания полковника Дмитрия Леонидовича Казанцева (1883–1952) охватывают период 1914–1917 гг., когда ему довелось служить в Великом Княжестве Финляндском. Это был краткий, но исключительно насыщенный событиями период в истории Финляндии, описанию которых Дмитрий Леонидович придал еще и исключительную эмоциональность.

После событий февраля – октября 1917 г. не слишком многие бывшие русские чиновники в Великом княжестве не пожелали переехать в другие страны. Поднявшаяся в результате имевших место многочисленных эксцессов, вызванных действиями части радикально настроенных матросов Балтфлота и солдат, расквартированных в княжестве российских частей, и последовавшей, хотя и краткой, но кровопролитной гражданской войны (февраль – май 1918 г.) волна русофобии отнюдь не способствовала надеждам на мирное и спокойное будущее в среде русскоязычного чиновничества. Казанцев остался. Судя по всему, это было обусловлено несколькими причинами, одной из которых, но не последней, было отсутствие претензий к его дореволюционной деятельности. Иными словами, к числу притеснителей финляндских прав и свобод он отнесен не был. Помимо этого свою роль не могло не сыграть и то обстоятельство, что он, вероятно, владел как минимум одним из двух официальных языков нового государства – финским или шведским. В противном случае ему вряд ли стал бы известен ряд подробностей тех событий, которые в независимой Финляндии стали достоянием гласности благодаря обильному потоку мемуарной литературы и статей, обрушившемуся на читателей уже в 1920-е гг. В доступной информации о деятельности в 1920-е гг. в Финляндии Матильды Вреде (и позже – Комитета имени Матильды Вреде) нет упоминаний об оказании финансовой помощи Д. Л. Казанцеву. Это косвенно свидетельствует о том, что ему удавалось решать такого рода проблемы самостоятельно, иными словами, найти работу или завести собственное дело.

В написанных в 1931 г. воспоминаниях Казанцев особое внимание уделяет двум сюжетам – антироссийской деятельности различных политических сил в Великом княжестве Финляндском в годы Первой мировой войны и трагическим событиям 1917 г. в Гельсингфорсе и Выборге, жертвами которых стали десятки офицеров Балтийского флота. Начавшаяся мировая война оказалась для самых разных политических сил Финляндии чем-то вроде подарка судьбы. Более чем возможная победа Германии вселяла в них надежды как минимум на расширение автономных прав княжества, а у некоторых укрепляла и веру в получение Финляндией независимости. Казанцев уклоняется от рассмотрения такой темы, как политика центрального российского правительства в отношении Великого княжества накануне и в годы мировой войны. Он не касается и причин крайне негативного отношения всех без исключения политических сил Финляндии к личности генерал-губернатора Франца-Альберта Александровича Зейна, о чем он должен был знать не понаслышке. Не упоминает он и о причинах роспуска избранного в 1916 г. сейма Финляндии и формировании нового состава сената, получившего в Финляндии название «сабельного».

Хотя Казанцев акцентирует внимание читателя на борьбе с германским шпионажем в Финляндии, приводя немало фактов, свидетельствовавших об особом интересе политического и военного руководства Германии к этой части Российской империи, однако он не видит тех изменений в формулировании целей, которые в действительности происходили в Берлине и в ставке в Спа. Далеко не сразу германские политики и военные решились активно использовать национальные меньшинства для ослабления России изнутри. К созданию так называемой Лиги инородцев, о которой вспоминает Казанцев, приступили тогда, когда расчеты на быструю победу в войне оказались исчерпанными. В 1914 г. и в течение большей части 1915 г. цели Германии сводились в основном к попыткам организации шпионажа и саботажа на «этапах» – путях перевозки военных грузов. Именно для этих целей к лету 1915 г. и был создан при

поддержке германских дипломатов в Хаапаранте (Швеция) этап, которым фактически руководил подданный Великого княжества Финляндского, житель Выборга, немец по происхождению, Вильгельм Дам. Германскую сторону особенно интересовали осуществлявшиеся с территории Норвегии в Россию перевозки военных грузов (на лошадях из Скиботн вдоль Муонио и Торниойоки в Рованиеми и Торнио, откуда грузы доставлялись в Петроград уже по железной дороге) и соответственно возможности организации диверсий. После принятия в Берлине решения о формировании из приехавших в Германию финских активистов 27-го егерского батальона одной из целей стала помощь в организации приезда финнов, желающих получить военную подготовку в Германии. Кроме того, германская сторона для решения своих задач стремилась установить контакты с финнами, отвечавшими за перевозки в Канталахти, Рованиеми и Куолаярви.

С началом войны активизировались и финны, осевшие в Германии еще в довоенное время. Они создали осенью 1914 г. два, не очень стремящихся, правда, к сотрудничеству комитета, но пользовавшихся поддержкой германских властей. Во главе первого стал А. Леонард (Финский комитет помощи, образован 24 сентября 1914 г.), во главе второго – А. Ф. Веттерхоф (образован 27 ноября 1914 г.). Последний ставил перед собой следующие цели – установление контактов с Финляндией, развертывание в германской печати кампании в защиту Финляндии, организация проживающих в Германии финнов. Веттерхоф не возражал против организации в сотрудничестве с германским адмирал-штабом антироссийских актов саботажа на территории Финляндии.

Нельзя утверждать, что сторонники активной (в том числе и вооруженной) борьбы за независимость Финляндии располагали на родине перед Первой мировой войной широкой общественной поддержкой, хотя еще в ноябре 1904 г. по инициативе К. Зиллиакуса была создана партия активного сопротивления. Однако они нашли немало сторонников своих радикальных взглядов среди студенческих кругов. Один из видных деятелей активизма Герман Гуммерус вспоминал, что в самом начале войны до него уже доходили слухи о стремлении студентов получить военное образование в Германии и создать таким образом необходимые для будущей армии Финляндии кадры. В декабре 1914 г. в Стокгольме, в доме графа Карла Роберта Маннергейма Гуммерус встретился с двумя приехавшими из Финляндии студентами – Б. Паулигом и В. Хорном. Вместе с ними Гуммерус подготовил соответствующее обращение к германским властям. Ориентация на Германию была вызвана не только тем, что получить военную подготовку в Швеции и Дании оказалось невозможным. «Когда друзья антантовских государств говорили, что желают победы этого блока, но при этом поражения России, это мне казалось наивным и нелогичным, – писал Гуммерус. – Выйди Россия из войны победительницей, было бы очень мало надежд на то, что ее союзники – Франция и Англия – после заключения мира могли бы или хотя бы пожелали повлиять на Россию в пользу Финляндии. Напротив, интересы Германии требуют поддержки стремления к освобождению угнетаемых Россией народов, особенно, если военные действия будут широко развернуты на восточном фронте».

Студенческая среда университета в Гельсингфорсе неизменно, еще с середины XIX столетия, симпатий у российских властей не вызывала. Это была та среда, в которой были сильны антироссийские настроения, нередко приобретающие русофобскую окраску. С началом войны студентами-активистами был создан Центральный комитет студентов, который по замыслу инициаторов должен был стать авторитетной организацией, представляющей все финляндское студенчество. Однако поскольку его состав оказался весьма широким и в силу этого неработоспособным, то речь вскоре зашла о формировании более дееспособного органа. Осенью 1915 г. Центральный комитет был распущен и вместо него сформирован так называемый Комитет действия (Aktionskommittén), который Казанцев называет «Активным комитетом».

Стремление прежде всего студенческой молодежи получить военную подготовку привело к тому, что уже в начале 1915 г. из Финляндии в Германию выехали почти 200 молодых

людей под видом поездки в «скаутские лагеря». В основном это были шведскоязычные студенты и магистры Нюландского землячества Гельсингфорского университета. Это во многом объясняет тот факт, что впоследствии как раз финляндские шведы заняли видные места в 27-м прусском егерском батальоне и егерском движении. Попутно стоит отметить, что именно радикально настроенным финляндским шведам была наиболее присуща антироссийская позиция. Некоторыми из них, помимо утверждений о невозможности развить финский язык в цивилизованный, подчеркивалось, что особенно шведы и шведская культура в Финляндии являются форпостом западноевропейской культуры против варваров Востока.

После того как от германских властей удалось добиться согласия на создание 27-го прусского королевского егерского батальона из финляндских добровольцев, в Финляндии приступили к вербовке егерей, с которой российским властям удалось покончить лишь в 1916 г. Из 1897 егерей 270 были студентами (14 %), 946 закончили народную школу или начальную среднюю, 366 человек не закончили ни первой, ни второй. Понятно, почему именно студенты составили костяк командных кадров. Поскольку большинство студентов были финляндскими шведами, но при этом в рядах батальона являлись меньшинством, это объясняет появление «недопонимания» между говорящими по-шведски и говорящими по-фински добровольцами.

Хотя Казанцев и упоминает о ряде мероприятий, предпринятых российскими властями по укреплению пограничного режима на границе со Швецией, судя по всему, однако, он не знал, насколько «дырявой» эта граница оставалась. Несмотря на то что в расположенном близ шведской границы Торнио службу несли большое число полицейских и пограничных стражников, но вдоль р. Торнийоки сплошного контроля обеспечить властям не удалось из-за их малочисленности. Последних вполне обоснованно подозревали как в небескорыстном сотрудничестве с контрабандистами, так и в оказании помощи любым желающим перейти границу (за плату). Кроме того, между русскими и финскими полицейскими не наблюдалось взаимного доверия. Заметим, что в некоторых случаях память несколько подводит Казанцева. Повествуя о возникновении в Гельсингфорсе конторы под названием «Новое лесное бюро» («Uusi Metsatoimisto») и правильно связывая его с деятельностью активистов, он забывает, что эта контора возникла лишь летом 1917 г. И одной из ее главных задач была организация перевозки бежавших из российского плена германских и австро-венгерских военнопленных через территорию княжества. С этой целью и был организован ряд маршрутов переправки их через границу. Подразделения бюро действовали в Улеборге, Ювяскюля, Васа, Куопио, Выборге, Або. Бюро занималось изготовлением паспортов для беглецов. В переписке между членами организации отбывающих в Нурмес беглецов именовали «мешками с мукой», о тех, кто должен был из Куопио прибыть в Улеборг, писали, что подвезут «серое сукно», о приезжавших из Кеми в Хаапаранту – «посылка с книгами».

Студенческими организациями и «комитетами» в Германии не исчерпывается список включившихся в борьбу за независимость Финляндии. В феврале 1915 г. из политиков «со стажем» был создан своего рода «совет старейшин» или «ареопаг», о котором Казанцев также упоминает. Осенью 1915 г. этот совет основал свой Центральный комитет, установивший контакты с Комитетом действия. От политиков не отставали бывшие выпускники кадетского корпуса в Фридриксгамне (совр. Хамина), в основном оставившие военную карьеру еще в начале столетия. В феврале 1915 г. у ротмистра Харальда Окермана встретился десяток финских офицеров (ротмистры Георг фон Эссен, Мориц Грипенберг, Карл Аренберг, Ханнес Игнатиус; капитан Элис Хултин, поручики барон Густав Сильверельм, надворный советник Георг Топелиус, Карл Линд и корнет Эрик Инберг), решившие основать так называемый Военный комитет для оказания поддержки усилиям по достижению независимости Финляндии. Контакты с Комитетом действия поддерживал Харальд Окерман.

На первом этапе Военный комитет возглавил Ханнес Игнатиус (позднее получивший прозвище «петух Плимутрок», как вызывавший к памяти героя стихотворения Эдгара Ли

Мастерса «Плимутрок Джо»). Документов о деятельности комитета нет, поскольку до 1917 г. протоколов его заседаний не велось. Те студенты-активисты, которые по тем или иным причинам не могли выехать в Германию, выражали заинтересованность в получении военной подготовки в Финляндии. В феврале 1915 г. состоялась встреча студентов с членами Военного комитета, но переговоры закончились безрезультатно. Военный комитет занимался в эти годы сбором разведывательной информации о российских частях и коммуникациях в Финляндии и последующей передачей ее в Германию, однако качеством эта информация не отличалась. Даже приблизительная численность российских частей, расквартированных на территории княжества, оставалась им неизвестной.

Активизация деятельности Военного комитета началась с вступлением в его состав в феврале 1917 г. полковника Николая Мексмонтана. В апреле – мае 1917 г. Мексмонтан, Аренберг и Игнатиус переехали в Стокгольм. Основной целью было установление более тесных контактов с немцами. По распоряжению генерал-квартирмейстера Эриха Людендорфа (не поставившего в известность об этом германский МИД), в Стокгольм был командирован капитан фон Райхе. Члены Военного комитета не знали тогда, что возникла благоприятная для реализации их надежд ситуация: 23 апреля коронный совет в Крейцнахе определил цели Германии на восточном фронте, предусматривавшие возможно более быстрое отделение от России Прибалтики, Польши и Украины. Это с неизбежностью ставило перед политическим руководством Германии и вопрос о Финляндии. Приехавший в шведскую столицу ранее Мексмонтана Игнатиус и уже находившийся там Ёста Теслэф подготовили для германского военного руководства промеморию, в которой излишне оптимистично оценивали возможность достижения ставившихся целей. Мексмонтан был поражен, когда узнал, что в этом документе сообщалось о «широкой организации», в действительности насчитывавшей всего 12 человек. Мексмонтан не понимал, что Игнатиус и Теслэф добивались одного – повышенного интереса германской стороны.

Капитан фон Райхе встретился с членами Военного комитета 14 мая. Собеседники уверяли его, что с помощью Германии получение Финляндией независимости – реально достижимая цель с учетом широко распространенных в княжестве прогерманских настроений. Однако для этого необходимо осуществить высадку германского десанта на побережье Финского залива. В подготовленном на следующий день для Райхе меморандуме констатировалось, что финская сторона может гарантировать снабжение двух германских армейских корпусов, заняться формированием новой финской армии (указывалось, что от бывшей финляндской армии осталось около 200 офицеров, 66 офицеров запаса, 50–70 тыс. способных принять участие в боевых действиях и до 25 тыс. в составе гарнизонов; ядром армии предполагалось сделать 27-й егерский батальон). Оставалось только объяснить, каким образом Игнатиус и К^о могли втайне от российских властей осуществить подготовку обещаемой немцам армии. Временное правительство, опасавшееся германского десанта на территории Финляндии, постепенно наращивало в княжестве численность воинских частей. По разным оценкам, к августу 1917 г. в них насчитывалось от 100 до 125 тыс. солдат.

Помимо встреч с германским посланцем члены Военного комитета стремились активизировать контакты с так называемыми шведскими друзьями Финляндии. К последним относились помимо неоднократно упоминающегося в воспоминаниях Казанцева Свена Гедина, главный редактор «Aftonbladet» Харальд Сульман, капитаны Карл Бенедих и Фрей Рюдеберг. Те, однако, несмотря на симпатии к Финляндии, считали, что в существующей ситуации рассчитывать на поддержку Швеции невозможно.

Вместе с тем, Мексмонтан в сотрудничестве с некоторыми шведскими офицерами в июне 1917 г. подготовил план создания финской армии, который 20 июня был передан Людендорфу. Согласно этому плану в течение четырех месяцев после высадки германского десанта в Финляндии численность финской армии должна была достичь 70 тыс., через пять – восемь месяцев

численность армии должна была возрасти до 150 тыс., а сформированные ранее каждый из 36 батальонов стать полноценным полком двухбатальонного состава. В третью фазу, через девять месяцев, в финской армии должно было быть уже шесть армейских корпусов, а проведенная мобилизация позволила бы увеличить численность армии до 340 тыс. человек.

Свидетельством заинтересованности Людендорфа в этом вопросе стала посылка им в начале июля майора генерального штаба Вернера Кранца в Стокгольм для контактов с Мексмонтаном. Кранц, работавший в военно-политическом отделе генштаба под началом генерала фон Бартенверфа, отвечал именно за финские дела. При встрече с Кранцем Мексмонтан особое внимание уделил вопросу предполагаемой высадки германского десанта. Судя по всему, Мексмонтан не мог дать сколько-нибудь исчерпывающие ответы на вопросы немецкого визитера. Наиболее реальным итогом беседы стало отданное Людендорфом после получения сообщения Кранца распоряжение об активизации офицерской и унтер-офицерской, а также технической подготовке чинов 27-го егерского батальона. Собеседники Кранца поднимали и вопрос о заключении германо-финляндского союзного договора наподобие германо-болгарского, но Кранц уклонился от его обсуждения как выходящего за рамки полученных им директив. Впрочем, несмотря на демонстрируемую активность, Военный комитет так и не сыграл сколько-нибудь значительной роли. Даже приглашение осенью на роль лидера генерал-лейтенанта Класса Густава Роберта Робертовича Шарпантиера, а в конце года генерал-лейтенанта К. Г. Э. Маннергейма ничего не изменило.

Разведывательную информацию германское командование получало не только от Военного комитета. В частности, такую информацию поставляло так называемое «Бюро на Лиисанкату» в Гельсингфорсе, собиравшие такую информацию Рагнар Хейкель и Эрик Мальмберг вынуждены были бежать в Швецию, основав в Хаапаранте «Firma Hansson och Lund».

В то время пока Мексмонтан обсуждал возможность получения германской помощи, ситуация в Финляндии продолжала накаляться. Созданный после февральских событий в России коалиционный сенат во главе с социал-демократом Оскари Токоем столкнулся с целым рядом вызовов. Руководство буржуазных партий при формировании сената Токоя надеялось, что участие социал-демократов в правительстве даст определенные гарантии того, что какое-то время в сложившейся неустойчивой и непонятной ситуации в Империи удастся избежать острых социальных конфликтов в Финляндии, не допустить радикализации обстановки. «Все революционные идеи из России неизбежно перекочат в Финляндию, – подчеркивал своим однопартийцам младофинн Рудольф Холсти, – виноградная лоза и вино не единственные источники опьянения, ими являются и идеи». В свою очередь, беря на себя отстаивание прав Финляндии и в конечном счете достижение ею самостоятельности, социал-демократы в определенной степени рассчитывали на то, что их коллеги в сенате позволят им провести ряд социально-экономических реформ. Нельзя утверждать, что подобный расчет был ничем не оправдан. Только слепой не мог видеть, что политические оппоненты социалистов просто не располагали сколько-нибудь реальными возможностями для воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию. Традиционные государственные институты, которые можно было бы использовать для оказания нажима и подавления соперника – армия и полиция, просто отсутствовали. Первая исчезла еще в начале столетия, вторая прекратила свое существование уже в марте 1917 г. (за исключением Або). Затягивание решения вопроса о создании в стране правоохранительной службы и довольствование имевшимися отрядами милиции (полностью лишенными какого-либо опыта работы в столь специфической сфере) не пошло на пользу социал-демократам, когда прокатившиеся летом по сельской местности забастовки показали, что сопутствующие им эксцессы трудно устранимы, а стихия анархии все более охватывает значительную часть населения.

Излишне прямолинейная увязка социально-экономических реформ с вопросом о независимости страны оказалась для социал-демократов своего рода ловушкой. Постепенно ухудшав-

шееся экономическое положение, обострение продовольственного кризиса оставляли социалистам слишком мало времени. Руководство СДП не могло не сознавать важности временного фактора. Вероятно, какое-то время имелась надежда на достаточно быстрое разрешение проблемы статуса Финляндии с Временным правительством. Иногда эта надежда основывалась на недоразумении или далекой от истины информации. Довольно хорошо известен мартовский визит Керенского в Финляндию. Следует сказать, что «финскую карту» в своем политическом багаже не пренебрегала использовать и российская думская оппозиция еще до февраля 1917 г. Весной 1916 г.

будущий глава Временного правительства А. Ф. Керенский для поправки здоровья приехал в Финляндию. У барона С. А. Корфа он встретился с финским политиком Рудольфом Холсти (позднее ставшим министром иностранных дел Финляндии). В ходе довольно откровенной беседы Керенский упомянул также о желании думской оппозиции предпринять шаги для облегчения положения Финляндии, посетовав при этом на то, что правые в Думе намеревались воспользоваться темой финского сепаратизма для нападков на права Великого Княжества (к удивлению Холсти у его собеседника оказались точные сведения об организованной активистами вербовке добровольцев в егерский батальон в Германии). По мнению Керенского, финляндским политическим кругам следовало каким-либо образом поддержать думскую оппозицию.

Во время своего визита в Финляндию в марте 1917 г. Керенскому довелось выступать публично не один раз. Финский историк Э. Кетола обнаружил разительное несовпадение передачи выступления министра Временного правительства финской газетой «Tuomies» («Рабочий») и «Известиями Гельсингфорсского совета». Первая так передала содержание выступления: «Пусть товарищи положатся на Временное правительство, членом которого я являюсь. Оно сделает все, что вы хотите. Положитесь также на нового генерал-губернатора, который должен будет делать все, что вы хотите. Да здравствует свободная Финляндия, да здравствуют граждане свободной Финляндии!» Во втором издании эта часть выступления была передана так: «Верьте же, что Временное правительство, членом которого я являюсь, желает только одного: осуществить волю народов России, и его представитель – новый генерал-губернатор Финляндии – будет делать все, что необходимо народу Финляндии. Да здравствует свободная Финляндия, да здравствует свободный гражданин Финляндии!»

Контраст – разительный. Кто же на деле должен был определять, что нужно Финляндии: ее свободный народ или генерал-губернатор? Подобные некорректности при переводе, случавшиеся, кстати, нередко, служили основой для построения тех или иных предположений, истолкований, принятия решений.

О том, что в Петрограде не станут проявлять излишней торопливости в решении вопроса о государственно-правовом статусе Великого Княжества, к тому же гарантированном международными договоренностями (как того требовал Оскари Токой), руководству СДП должно было стать понятным еще в начале апреля. Именно в это время дал о себе знать еще один фактор, на этот раз определенно способствовавший упрочению позиции Временного правительства: среди расквартированных в Финляндии частей стали распространяться антифинляндские настроения. Каждому было понятно, что проблема правового статуса Финляндии в данный момент времени – это еще и вопрос о власти. Поскольку политическая линия сената Токой и социал-демократов была значительно левее общей линии Временного правительства, то рассчитывать на бесконфликтность их сотрудничества не приходилось. Идти на более резкие шаги, например на провозглашение независимости, когда под боком не слишком доброжелательно настроенные российские войска, а в лагере союзников никого кроме РСДРП(б) не было, было рискованным. К. Вийк, один из видных деятелей СДП в то время, считал, что провозглашение независимости может просто взорвать ситуацию. В начале мая представители финских социал-демократов встретились с руководством большевиков: Лениным, Зиновье-

вым, Каменевым и Шляпниковым. Лидеры РСДРП(б) еще раз подтвердили свою готовность поддержать право народа Финляндии на самоопределение вплоть до отделения. Однако уже в этот момент стало понятным, что столь прямая поддержка большевиков имеет свою цену. Несколько позднее эта цена будет названа открыто в выступлении А. Коллонтай: пролетариат Финляндии должен решительно отказаться от любых форм классового мира и сотрудничества со своей буржуазией, он должен вступить в борьбу с Временным правительством. Все стало на свои места. Цена была велика. Доводить свои отношения с национальной буржуазией до точки кипения было бессмысленно.

Летом 1917 г. руководство социал-демократов пришло к выводу, что в России явственно наметился переход к реакции, что в конечном счете вообще могло заставить распространиться с надеждами на расширение автономных прав, не говоря уже о независимости. Сторонники быстрее получения самостоятельности Финляндии в буржуазных партиях, напротив, полагали, что в России происходит углубление революционного процесса и чтобы избежать переноса его последствий в Великое Княжество, необходимо ускорить движение в сторону закрепления автономных прав и упрочения исполнительной власти. Настойчивость, с которой Токой будет добиваться утверждения сеймом закона о власти, станет не только свидетельством того факта, что первое в истории страны социалистическое правительство оказалось в тупике, но и свидетельством явного желания направить недовольство широких масс (безработица, дефицит продовольствия и пр.) в русло борьбы за независимость.

До предела взаимоотношения с Временным правительством были ухудшены принятием в ночь на 19 июля финляндскими парламентариями закона о власти, предоставлявшего сейму право утверждать законы, созывать и распускать высший законодательный орган, назначать новые выборы в сейм и высших должностных лиц, и закреплявшего за имперскими властями только сферу внешней политики и военные дела. Правительство Керенского в долгу не оставалось: шло постепенное наращивание военной силы в Великом Княестве, замена наиболее неблагонадежных частей. Так, 12 июля в Финляндию начали перебрасывать 5-ю Кубанскую казачью дивизию. Этим определенно демонстрировалась готовность в случае чего прибегнуть к помощи военной силы. После издания 31 июля манифеста о роспуске сейма выяснилось, что помощь армии не потребуется. Роспуском сейма и назначением новых выборов была создана иная политическая ситуация. Уход сената Токой и приход к власти «сената-обрубка» Э. Сеятеля знаменовали собой не только устранение от правительственной власти социалистов, но и резкое изменение динамики внутривнутриполитических процессов в Финляндии. Заявление сенатора А. Серлахиуса, сделанное после падения сената Токой, о том, что страна идет к анархии, что попытки управления ею без использования властных методов, полагаясь исключительно на здравый ум народа и добрую волю, оказались неудачными – вовсе не было политической риторикой. Стоит, однако, заметить, что вольно или невольно раскачивавшая маятник революции СДП в целом не оказалась способной толково разъяснить, зачем же требуется такой накал страстей, ведь даже когда два месяца спустя появилось знаменитое «Мы требуем», один из лидеров социал-демократов О. В. Куусинен был вынужден признать, что содержащиеся в этом ультиматуме требования не являются таковыми, чтобы ради них совершать революцию.

Что оказалось для социалистов воистину горькой чашей, так это поражение на выборах в сейм 1–2 октября. Выяснилось, что в целом доля сторонников социалистов в электорате снизилась. Выборы 1917 г. показали – СДП достигла фактически максимального результата, потеряв при этом 11 мест в сейме. Выборы показали еще одно. Значительная часть наиболее радикально настроенных в вопросе о независимости избирателей отдали свои голоса не СДП, а Аграрному союзу, отказавшемуся от предвыборного блока с буржуазными партиями. Это говорило о том, что как ни осторожно действовали социал-демократы в своих контактах с революционно настроенными выборными органами российских воинских частей в Финляндии, иногда даже стремясь нейтрализовать их активность, а вовсе не заручиться их поддерж-

кой, буржуазной пропаганде удалось заронить зерно подозрения в лицемерии социал-демократов в деле независимости среди определенной части ранее поддерживавшего их электората.

Очередная – Октябрьская – революция в России также создала новую ситуацию для Великого Княжества. 27 ноября (н. ст.) был сформирован новый состав сената во главе с П. Э. Свинхувудом. До этого 15 ноября (н. ст.) верховная власть в Финляндии стала прерогативой сейма. До признания советской властью независимости Финляндии оставалось всего несколько недель.

Казанцев в своих воспоминаниях уделяет большое внимание зарождению и развитию активистского движения в изначально лояльной Российской империи Финляндии, процессу и методам формирования из финляндцев Королевского прусского егерского батальона в германской армии, а также в целом неэффективной борьбе русских властей с активистским движением и вербовкой в германскую армию. Воспоминания охватывают практически весь период мировой войны, однако значительную часть их составляет описание революционных событий в Гельсингфорсе, убийств русских офицеров Балтийского флота и образования советов рабочих и солдатских депутатов. Безусловно, он не был свидетелем большинства описываемых их событий тех двух-трех дней в Гельсингфорсе в начале марта 1917 г., когда поднялась волна матросской стихии. Многое из того, о чем повествует Казанцев, почерпнуто им из опубликованных воспоминаний очевидцев, многое – из рассказов тех, с кем ему лично приходилось встречаться. Однако та надрывная эмоциональность, с которой он рассказывает об этих событиях, так же как и их хроникальная детализированность, производят впечатление неизменного присутствия автора во всех событиях разворачивающейся трагедии.

В дни февральской революции на Балтийском флоте погибли около сотни офицеров: в Гельсингфорсе около 45, немногим меньше в Кронштадте, в Ревеле – пятеро, в Петрограде – двое. Помимо офицеров погибли свыше 20 боцманов, кондукторов и сверхсрочников, четыре офицера покончили с собой, 11 пропали без вести. Аресту в Гельсингфорсе подверглись полсотни офицеров. Причины зверских убийств выжившие офицеры склонны были впоследствии объяснять действиями шпионов и провокаторов. Именно такая версия представлялась наиболее соответствующей истине, например, в случае с убийством вице-адмирала А. И. Непенина, когда волна самосудов (в ночь с 3 на 4 марта 1917 г.) уже схлынула. Однако российский историк М. А. Елизаров, исследовавший левацкие настроения на флоте в бурные события 1917 г. и первые послереволюционные годы, вполне уместно замечал, что никем не руководимое движение все-таки в основном выбирало не случайные жертвы. Та же толпа матросов, из которой раздался выстрел в спину Непенину, знала настроение проходившего в те же минуты гарнизонного митинга, высказавшегося резко против Непенина и избравшего командующим Балтийским флотом адмирала А. С. Максимова. Причины, по которым выбирались жертвы, были самыми различными: политические, сведение личных счетов, наличие немецкой фамилии. Не следует забывать и о том, что некоторые из матросов ранее добровольно сотрудничали с охранкой. Не случайно среди матросов бытовало мнение, что в числе убийц были заматававшие следы такого рода «добровольцы».

В «Оде революции» Владимир Маяковский очень точно передал атмосферу тех мартовских дней:

*Ты илешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.*

*Ус захватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.*

Не вызывает удивления то обстоятельство, что ни одна из политических сил не оказалась заинтересованной в расследовании и наказании убийц. Временное правительство отнеслось к произошедшему как к некоей неизбежности, что, в сущности, лишь являлось свидетельством зыбкости самой новой власти. Для вождей левых партий (от эсеров и меньшевиков до большевиков) наличие жертв являлось своего рода свидетельством того, что происходящее именно революция, а не государственный переворот. Достаточно вспомнить в связи с этим инициативу с захоронением жертв революции на Марсовом поле в Петрограде.

Самосуды в начале марта не были последними. После подавления выступления Корнилова на кораблях матросы стали брать у офицеров подписку в том, что они осуждают мятеж Корнилова. Отказавшихся подписывать расстреливали. На линкоре «Петропавловск» такая участь постигла четырех офицеров. В Або был расстрелян начальник воздушной станции, в Выборге — 11 офицеров. Следует сказать, что Гельсингфорсский ревком, как и другие выборные органы, стремился остановить новую волну самосудов. Так, в начале сентября им было издано специальное постановление, категорически запрещающее самосуды. Центральный комитет

Балтийского моря (Центробалт), созданный в конце апреля 1917 г. для координации действий флотских комитетов, схожие решения выносил дважды – 31 августа и 3 сентября.

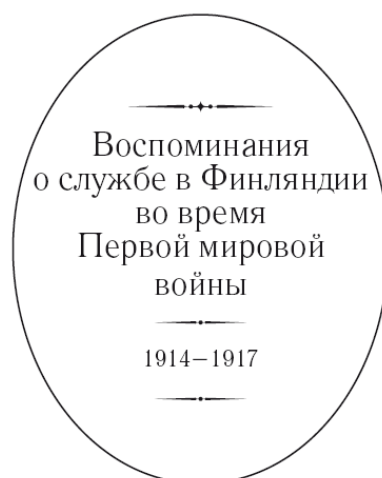
Казанцев неоднократно упоминает о роли большевиков в событиях в Гельсингфорсе. Однако среди моряков в столице княжества наиболее прочными позициями обладали эсеры. На Балтийском флоте численность их организации намного превосходила большевиков. К маю 1917 г. в Гельсингфорсе эсеров насчитывалось до 15 тыс., тогда как большевики в своих рядах имели не более 3 тыс. Во флотских эсеровских организациях преобладали левонастроенные эсеры, не считавшие грехом действовать вопреки указаниям партийного руководства. В отличие от эсеров и большевиков позиции анархистов среди флотских экипажей кораблей, стоявших в Гельсингфорсе, были относительно слабы. Слава анархистского досталась только флагману Балтфлота – линкору «Петропавловск». Казанцев о событиях на этом корабле повествует довольно подробно. Только к осени 1917 г. влияние анархистов стало более заметным.

Воспоминания Дмитрия Леонидовича Казанцева были написаны в 1931 г. Начало 1930-х гг. в истории Финляндии было богатым на события. Политическая ситуация в стране была предельно напряжена, Лапуаское движение – на подъеме. Радикальные правые элементы организовали похищения различных политических деятелей, прежде всего коммунистов и социал-демократов, но в числе похищенных оказались и бывший президент страны Стольберг со своей супругой. Самые радикальные представители движения требовали создания в стране режима сильной власти. Достижение этой цели считалось невозможным в рамках парламентских процедур, поэтому и требовало использования особых методов воздействия на государство. Законные методы и процедуры отнюдь не отвергались, но считались приемлемыми лишь до тех пор, пока могли служить целям

Лапуаского движения. Однако, если законность оказывалась не совместимой с «благом Родины», на первый план выступала высшая форма справедливости – закон Лапуа, оправдывавший все самые радикальные меры. «Мы делаем, что нам нравится, другие делают то, что могут», – говорил лидер движения Вихтори Косола. Чем-то происходившее должно было напоминать Казанцеву события 1917 г. Возможно, эта напряженная политическая атмосфера добавила эмоциональности его воспоминаниям.

Рупасов А. И.

Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны 1914–1917

Глава 1

Активистское (егерское) движение в Финляндии, история его развития и формирование из финляндцев Королевского Прусского егерского батальона 27-го в германской армии. Меры борьбы русских военных властей в крае с активистским движением и вербовкой в германскую армию

Активистское движение, появившееся в Финляндии почти в самом начале войны нашей с Германией, не было новым. Оно явилось лишь выявлением в новую форму тех движений, которые давно существовали в крае и начало коих следует искать еще в те времена, когда краем управлял генерал-адъютант граф Берг. Эти организации, первоначально пассивные, затем понемногу начали изменять свой характер. После расформирования в 1900–1905 годах финских войск, когда главари сепаратизма увидели, что нет более той точки, на которую можно было бы опереться, а раздробленные при упразднении части, расплытаясь, могли стать совершенно бесполезными для дела, то было решено создать в крае ряд организаций, которые могли бы послужить средством к объединению и созданию обученных военному делу кадров. Удалось это сделать только в период наших неудач в войне с Японией образованием полицейского резерва в городе Гельсингфорсе, своей численностью во много раз превышавшего действительную потребность в городских во всей стране. Затем в каждом городе и даже общине были образованы добровольные пожарные дружины, обучавшиеся два раза в неделю летом военному строю. В печати 1906 года возник союз «Войма», а когда он был ликвидирован русским правительством, то появились различные стрелковые общества, спортивные и атлетические организации и т. п.

В таком виде находилось это дело перед нашей войной с Германией.

Настроение населения края в начале войны было не только лояльное по отношению к России, но даже дружелюбное, показателем чего могут служить сердечные проводы населением городов уходивших на войну войск и отзывчивость на нужды наших раненых. Впрочем, стоявшие в течение 25 лет в крае финляндские стрелки и артиллеристы смело офинились, пережившись на местных уроженках, особенно полки 1-й стрелковой бригады, где половина офицеров была в родственных связях с местным населением. Когда война начала принимать затяжной характер, а германцам удалось занять часть нашей территории, то главари движения начали очень осторожно зондировать почву для возобновления своей деятельности.

Заветным желанием было, конечно, восстановление финских войск. Вот поэтому, когда начались тяжелые бои под Люблиным и Холмом и из Финляндии были взяты 67-я и 84-я пехотные дивизии и заменены ополченскими дружинами, активисты решили, что настала пора действовать. Было решено узнать, как к этому вопросу отнеслось бы военное начальство края. Для выполнения этого щекотливого поручения был выбран отставной генерал Лоде, некогда служивший в русских войсках.

Начальник штаба войск, расположенных в Финляндии, генерального штаба полковник Фалеев уклонился от беседы с генералом и направил его к гельсингфорсскому коменданту генерал-майору Лобановскому, ссылаясь на то, что на последнего возложены обязанности как на начальника местной бригады по приему добровольцев в войска, в том числе и финляндцев.

В произошедшем с комендантом разговоре генерал Лоде предупредил, что он является выразителем мнения весьма широких кругов населения, а потому просит генерала Лобановского отнестись особенно внимательно к тому, что он имеет сообщить, и начал развивать мысль о том, что теперь, когда Россия особенно нуждается в каждом солдате, Финляндия, по примеру прошлых войн 1854–1856 и 1877–1878 годов, горит желанием прийти на помощь империи и выставить под ружье все способное носить оружие население призывного возраста, что, по

приблизительному подсчету, составило бы около 60 тысяч человек, или один армейский корпус. Таким образом, русские войска могли бы быть из края выведены и употреблены на более нужных участках обширного фронта, выделив, конечно, инструкторов для обучения финских войск и оставив части специального назначения.

Молчавший в течение всего разговора генерал Лобановский сказал, что он приветствует такое патриотическое решение тех кругов населения края, выразителем коих генерал Лоде является, и что следует немедленно сделать необходимые представления, ибо разместить в Финляндии около 60 тысяч добровольцев будет весьма трудно, так как и сейчас казармы не вмещают в себя войсковые части, и приходится прибегать к отводу помещений от городов, занимая помещения учебных заведений, что, конечно, отражается на нормальном течении учебной жизни. Вопрос этот технический будет настолько серьезен, что его нужно сначала разработать. Ясно, что невозможно сразу отправить в Россию такое количество людей, нужно открытие в крае приемных, сборных и питательных пунктов, необходимо, наконец, назначение врачей и пр. Лоде согласился с приведенными доводами и просил разрешения переговорить о технической стороне этого вопроса с видными деятелями края и тогда явиться для продолжения разговора.

Продолжение разговора не замедлило последовать, причем после первых фраз выяснилось, что генерал Лоде имел в виду не прием финляндцев в русскую армию добровольцами, а восстановление упраздненных войск. На это комендант возразил, что этот вопрос не входит в круг его полномочий, и предложил обратиться в штаб войск. Начальником штаба уже был генерального штаба полковник Изергин, который, заслушав генерала Лоде, заявил ему, что по этому делу ему надлежит прежде всего обратиться к финляндскому генерал-губернатору, через которого это дело только и может быть возбуждено как через главного начальника края.

– То есть это значит обратиться к генералу Зейну? – перебивая полковника Изергина, спросил генерал Лоде.

– Да, через него.

– В таком случае те круги, которые меня уполномочили на ведение беседы с вами, просили заявить, что происходившие переговоры они просят считать недействительными, так как считают для себя совершенно неприемлемым всякое касательство к этому делу генерал-лейтенанта Зейна.

Таким образом, когда отпали попытки восстановить упраздненные финские войска, активисты решили обратиться за помощью к Швеции в виде разрешения посылать туда добровольцев для обучения военному делу, но последняя категорически отказалась даже разговаривать на эту тему.

Тогда руководители активного движения решили направить наиболее непримиримую молодежь в германскую армию. Кому эта мысль явилась впервые, мы не знаем, но можем предположить, что она пришла от активистов, находящихся за границей. Небольшая группа людей, принадлежавших к составу Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе, которую выбрали старейшины движения в инициативе зарождавшегося дела, собрались поздней осенью 1914 года в доме студенческой корпорации «Остроботния»¹, где под влиянием убеждения более старших по возрасту товарищей решила, что единственным способом уничтожить зависимость Финляндии от империи является обращение за помощью к Германии. Мысль эта была наиболее ярко выражена магистром Вяйне Кокко, а на организационном совещании присутствовали, кроме упомянутого, магистры Кай Доннер (известный исследователь сибирских инородцев), И. О. Руут, П. Х. Норрмен, К. Каллиала и учитель гимнастики В. Е. Тирири. Пропаганда этой идеи среди местного студенчества, конечно, не встретила затруднений и в последние дни октября 1914 года. Каждая корпорация, уже выбравшая из своей среды пред-

¹ 20 ноября 1914 г. (Здесь и далее примеч. коммент.)

ставителей в центральный комитет, приступила к объединению. Это тем легче было сделать, что ректор университета статский советник Эльт сам принимал активное участие в сношениях комитета с Германией. Несколько дней спустя старые активисты приняли у себя избранных студентами магистров (П. И. Хюнинен, И. О. Руут и П. Х. Норрмен). Среди присутствующих были профессора Императорского Александровского университета Рафаэль Эрих, Т. Хомен, Е. Эстландер и личный советник Т. Хейкель.

Все партии края выказали живейший интерес к делу, даже социалисты в лице самого О. Токоя и магистра Вийка. В конце концов было решено послать в Германию для военного обучения 150 человек молодежи из числа студентов, и с этой целью выехал в Швецию школьный советник – барон Адольф фон Бунсдорф. Необходимо заметить, что с самого начала нашей войны с Германией все проживавшие там финляндцы не были арестованы германскими властями и заключены в концентрационные лагеря, как-то было поступлено с прочими русскими подданными. Вот таким-то отношением немцев к финляндцам чрезвычайно умело воспользовался некий Фриц Ветергоф, проживавший с 1912 года в Берлине. Ветергоф – в прошлом незначительный чиновник и владелец адвокатского бюро при городе Тавастгусе.

С первых же дней войны он сумел организовать при Военном министерстве в Берлине бюро, которое, с одной стороны, ведало проживающими в Германии финляндцами, а с другой – являлось организацией осведомительного характера. Политической стороной бюро ведал сам Ветергоф, а военной – обер-лейтенант фон дер Гейден. Бюро это, окончательно сформированное к весне 1915 года, было в темной связи с проживавшими в Стокгольме политическими эмигрантами Конни Цильякусом, Юнасом Кастреном, доктором Германом Гуммерусом, которые служили звеном для сношений с родиной. Доктор Гуммерус ведал при посредстве шведской прессы политической пропагандой в Швеции, направленной против России.

Так как организация Ветергофа только налаживалась, то Гуммерус вошел в сношения с проживавшим в Берлине после отъезда из России бывшим германским консулом в Гельсингфорсе, коммерции советником Гольдбек-Леве. Была также сделана попытка привлечь на свою сторону общественное мнение в Швеции, часть населения которой, главным образом придворные круги и корпус офицеров, была за войну с Россией. Особенно горячо агитировал путешественник Свен Хеддинг. Однако все усилия заинтересованных лиц впутать в эту интригу Швецию остались тщетными.

Только в начале января 1915 года германское правительство решило использовать финляндцев для партизанских целей в русском тылу и дало согласие на прием и обучение в Локшtedтском лагере близ города Гамбурга 200 молодых людей.

Для руководства и обучения был подобран надежный кадр во главе с таким знатоком бойскаутского дела, как бывший организатор и председатель Pfadfinderbund'a в Германии майор Байер, выбравший себе помощниками капитанов Баде, Юста, Кнатса и Хельдта. Надо было посылать молодежь. Ограничения к выезду за границу финляндцев, хотя бы и призывного возраста, не существовало, так как Финляндия была освобождена от исполнения воинской повинности натурой, а потому нюлландский губернатор генерал-майор Виднэс беспрепятственно выдал свыше 100 заграничных паспортов, не придав какого-либо значения такому массовому отъезду молодых людей за границу.

Однако на это обратили внимание начальники пропускных пунктов. Дело в том, что ежедневно не только все пропускные пункты, но даже все полицмейстеры края должны были доставлять списки всех приезжающих и отъезжающих лиц, которым велся в штабе войск особый учет. Таким образом, было обращено сначала внимание на большой процент заграничных паспортов, выданных нюлландским губернатором, а затем и на возраст выехавших. Начали производить расследование, сильно затянувшееся, и одновременно штаб войск просил генерал-губернатора об издании обязательного постановления для Финляндии с воспрещением выезда за границу молодых людей моложе 38 лет, а потом этот возраст был увеличен до 45

лет. Кроме того, было подано обязательное постановление об отлучках за границу или о нелегальном переходе границы.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об ответственности за нарушение правил
об отлучках за границу или о переходе границы

Ввиду объявления Финляндии на военном положении сим, на основании статьи 19 Правил о местностях, состоящих на означенном положении (Сб. пост.

В. К. Ф. 1909 года № 73), постановляется на время действия в крае военного положения нижеследующее:

I. Виновные:

1) в отлучке за границу без надлежащего паспортного документа или с иным нарушением установленных относительно таковых отлучек правил;

2) в переходе границы, хотя бы и с надлежащим паспортным документом, но тайно или помимо установленных для такового перехода пунктов;

3) в попытке совершить означенные в пунктах 1 и 2 деяния или в оказании таким деяниям какого-либо содействия подвергаются в административном порядке заключению в тюрьму на срок до трех месяцев или денежному штрафу до восьми тысяч марок.

II. На разрешение дел по сему постановлению уполномочиваю губернаторов подлежащих губерний Финляндии.

III. Настоящее обязательное постановление вступает в силу немедленно по его обнаружении.

*Финляндский генерал-губернатор,
генерал-лейтенант Зейн
г. Гельсингфорс, 17/30 декабря 1915 года № 54*

Постановление тоже было издано не сразу. Можно сказать, прошло после отъезда месяца два, а военные власти не предприняли в этом направлении никаких мер. За этот промежуток за границу успело выехать уже до 160 человек, за что они могли ответить только штрафом. Первой мерой было учреждение финляндской пограничной охраны, сформированной из 1-й Петроградской пограничной императора Александра III бригады, каковая и прибыла в Финляндию в конце марта месяца 1915 года.

Прибытию ее предшествовала рекогносцировка границы, произведенная полковником Перцовым совместно с окружным воинским начальником в городе Бьернеборг подполковником Гольмбергом. Лица эти объехали всю прибрежную полосу от города Або до города Торнео и разбили ее на участки. Подполковник Гольмберг рекомендовал устроить еще вторую линию контроля от города Кеми через Рованиени до строящейся Мурманской дороги, доказывая, что этот вариант будет иметь более существенное значение, чем охрана линии от Торнео на Карунки, и его предположение впоследствии оправдалось на деле. Бригада заняла линию охранения от города Або через все прибрежные города, через Торнео на ст. Карунки и далее к северу. Мера эта была очень продуманна, и предполагалось, что она принесет сразу же осязаемые результаты. На самом деле во многих местах оказались прорехи, что и увидит дальше читатель. Шила в мешке не утаишь. Также большое число уехавших из края не могли остаться незамеченными для маленького населения городов. Начались разговоры между сердобольными родителями, дошедшие вскоре до полиции и русских властей, а вслед за ними появились уже определенные жалобы со стороны тех же родителей на вербовщиков, сманивших бог знает на какую авантюру их детей, от коих давно нет никаких известий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.